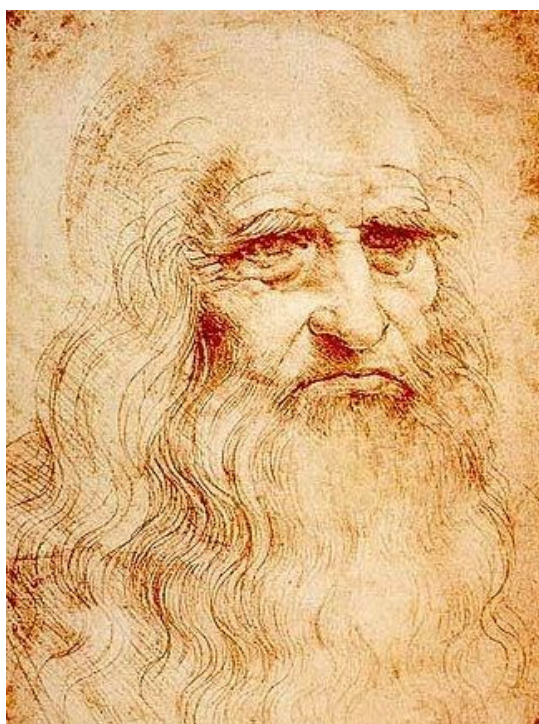

И.Ю. Кобзев

**КОД ДА ВИНЧИ
(рассказ)**

*«С рождения несу я бремя:
В раздоре с веком
Я обречен быть человеком
В нечеловеческое время»
(И.К.)*

Леонардо да Винчи, 1452 – 1519

Потайная дверь за королем закрылась с легким щелчком и снова превратилась в одну из дубовых панелей, которыми были обшиты стены зала замка Клу. Огромный камин, похожий на парадные ворота в ад, ярко горел. Пламя бросало пляшущие блики на стены, стол, уставленный серебряной посудой с остатками ужина, и на фигуру старика, сидящего в кресле. Старик кутался в меховой плащ с потертым беличьим воротником и смотрел на огонь рассеянным невидящим взглядом. Правая рука его беспомощно лежала на подлокотнике кресла, левой он придерживал края плаща. Его лысину пыталась согреть меховая шапочка с наушниками, из под которой спадали на плечи длинные седые волосы, незаметно переходящие в такую же длинную седую бороду. Насуспенные мохнатые брови, длинный слегка крючковатый нос и брезгливо опущенные уголки губ создавали идеальный облик старого мизантропа. Старик откинулся на высокую спинку кресла и облегченно вздохнул:

«Наконец-то он ушел. Как утомительны болтливые дураки. Даже если они королевской крови. Чем отличается дурак из черни от благородного дурака? – А ничем, кроме непомерной самооценки, которая делает общение с ним особенно тяжелым. Как он мне надоел, а терпеть надо – он мой благодетель. Но теперь уже недолго осталось – старость затопляет меня как холодная вода, все выше и выше. Ноги стыннут, руки стыннут. Холодно...», - он зябко передернул плечами и посмотрел в сторону жарко пылающего камина потом на темное окно, в котором отражались блики пламени, - «Второе мая, а холодно, как в феврале. Вот что значит северная сторона Альп. Хотя французы называют это югом. Но я то знаю, что юг может быть только по ту сторону Альп. Хотя для сицилийца Флоренция – это тоже холодный север. Он наверное так же будет мерзнуть на берегах Арно, как я на берегах Луары. Старость – это холод. Холод и одиночество. Ну, одинок-то я всю жизнь, так что можно сказать, что я всю жизнь прожил в старости. Правда в молодости не было так холодно. А одиночество – это воздух творчества. Если ты одинок, то полностью принадлежишь самому себе. Если рядом с тобой находится хотя бы один человек, то ты принадлежишь себе только наполовину или даже меньше, в пропорции к бездумности его поведения; а уж если рядом с тобой больше одного человека, то ты погружаешься в плачевное состояние все глубже и глубже. Нет, одиночество – это благословенный дар тому, кто мыслит. Правда их так мало, что им и общаться-то в этой жизни почти не с кем. Между людьми разница ума больше, чем между различными животными. Не удивительно, что овца не понимает собаку, - у них ведь и язык разный. А у людей вроде бы и язык одинаковый, но разница в уме у них куда больше, чем у овцы и собаки. Существуют три разновидности людей: те, кто видит; те, кто видит, когда им показывают; и те, кто не видит. Последних очень много – это почти все, и это дураки. Вторые – их тоже много, это те, которые думают, что они не дураки. А первых почти нет. Даже странно, что они все еще рождаются в этом мире. Наверное Бог периодически посылает их в мир, чтобы остальные не забыли, что такое образ и подобие Божие. Таким был божественный Альберти. Много ли я могу вспомнить достойных собеседников в своей жизни? Лука Пачоли, который подарил мне мир Евклида, да Никколо Макиавелли, который развеял остатки моих иллюзий в отношении мира людей. И это практически все. А ведь я жил во многих городах».

Красивый молодой человек с черными кудрями и карими глазами, утопающими в тени длинных ресниц, неслышно вошел в комнату и начал убирать со стола после королевского ужина. Старик молча следил за его движениями: «Франческо, красивый молодой человек. Десять лет назад, когда ему было пятнадцать лет, он был прекрасным отроком. И этого было достаточно в пятнадцать лет, чтобы все восхищались им. Но вот прошло десять лет, а он так и остался всего лишь красивым молодым человеком. А это уже катастрофа. Но, конечно не такая большая, как в случае с королем Франческо, который почти его ровесник: одно дело дурак для себя, а другое – дурак на троне. Ах, он так тужится быть умным – вот сравнил меня с Аристотелем, ожидая, что я в ответ сравню его с Александром. А я взял да и не сравнил, и он не смог скрыть своей обиды. Ну да Бог с ним... А мог бы и сравнить: что, разве Александр был другой. Наверное, такой же дурак, как и все правители, которых я встречал в своей жизни... Нет, Александр все-таки отличается от них - он основал Александрийскую Библиотеку. Я уверен, что за это ему многое прощено в вечности. И если Бог его и не допустил в рай, то он несомненно пребывает в первом круге Дантовского ада среди праведных язычников. А вот те, кто сжег эту Библиотеку, достойны девятого круга... Только вряд ли, я думаю, что они и там занимаются любимым делом – жгут таких как я...» - Мессере, какие будут распоряжения на сегодня? – его размышления прервал голос Франческо.

- Какие? Поставь мольберт с картиной и приготовь краски и кисти. Да, и света побольше.

- Вы будете снова работать над портретом госпожи Лизы дель Джокондо? Разве он уже не готов совершенно?

- Как мой ученик, ты, Франческо, должен бы знать, что работа над произведением искусства никогда не может быть закончена, а может быть только заброшена. А этот портрет будет закончен только в день моей смерти.

На лице Франческо изобразилось искреннее страдание:

- Ну что Вы, учитель, какая смерть. Доктор говорил, что Ваше состояние не внушает опасения.

- Интересно, что оно ему внушает. Наверное длительный период больших гонимых. Франческо попытался изобразить на лице улыбку, но у него получилась гримаса ужаса. Он поспешил спрятать лицо, подготавливая рабочее место для художника. Леонардо машинально следил за его действиями:

«А что делать? Пришлось завещать все свои записные книжки ему, Франческо Мельци. Сможет ли он их опубликовать? Не знаю, да и мне это уже не интересно. Учить дураков скучно. А встретить в своем времени умных почти невозможно... А если не в своем времени? Если умный человек обречен на одиночество в пространстве, то может быть он не одинок во времени?»

Франческо придвинул к креслу мастера мольберт с портретом, столик с палитрой и кистями, зажег четыре свечи в канделябре и установил его возле мольберта. Потом он пожелал мастеру спокойной ночи и тихо затворил за собой дверь. Леонардо водрузил на нос очки в толстой золотой оправе и сразу стал похож на старого филина из-за торчащих над очками бровей. Он взял в левую руку тонкую кисточку, почти не глядя на палитру прикоснулся к краске и лишь тогда взглянул на портрет. Некрасивая женщина внимательно смотрела на него умными глазами, сложив руки в царственном покое. «Здравствуй, вот мы и снова встретились», - сказал он тихо и прикоснулся кончиком кисти к уголкам ее рта. Она слегка улыбнулась, приветствуя его.

«Мона Лиза... Какая мона Лиза, о слепые глупцы, которые не видят, даже когда им показывают. Разве это портрет? Это лик Природы, через который пейзаж разговаривает со зрителем. Это мой единственный собеседник вот уже многие годы. Единственный, кто меня понимает... Когда появится человек, который ясно увидит в этой картине живую и разумную Природу, тогда его ум будет способен понять меня. Но меня тогда уже не будет... А может быть буду? Может быть это буду опять я? Может быть Бог смотрит на мир моими глазами, которые просто меняют тела – тела разных людей, каждый из которых это все тот же я?»

Он снова коснулся кистью портрета и в глазах женщины промелькнуло выражение заинтересованности.

«А что? Вон Рафаэль изобразил меня в виде Платона в своей «Афинской школе», хотя какой из меня Платон? Я скорее Архимед... Вот он загорелый сицилиец с сединой в кудрях и бороде.

- Я вырезаю зубцы на бронзовой шестеренке и мысленно вижу как она будет вращать другую, большую шестеренку, а та третью, еще большую, на которой будет располагаться изображение луны в разных фазах. Тридцать семь шестеренок будут вращать друг друга и в итоге точно изобразят движение солнца и планет, лунные и солнечные затмения. В этом ящичке будет спрятан весь макрокосмос, который пока спрятан в микрокосмосе моего ума. Я создаю механическую часть своего ума, которой сможет воспользоваться любой человек, у которого нет и никогда не будет моих знаний. Это вершина механики! Я всю жизнь создавал механизмы, которые усиливали человеческую руку, но теперь я создаю механизм, который усилит человеческий ум. Ум

человека должен быть свободен от однообразных вычислений, которые можно передать механизму. Ум человеку дан для другого...

- ... для другого, я знаю это. Ум человеческий, созданный по образу и подобию Божию, может воссоздать силой своего воображения весь макрокосмос – все предметы, все существа: горы, реки, растения, животных и человека. И не только их, но и их преобразования, изменения, развитие. Мой ум занят этим десятки лет. Я понял, что мир идей Платона не статичен – идеи перетекают друг в друга, изменяя свою форму. Я могу изобразить, как Платоновы тела превращаются друг в друга, сохраняя свой объем. Но совершенно так же можно изобразить превращение человеческой ноги в лошадиную, при сохранении «идеи ноги». Одна и та же идея проступает в водных водоворотах и листе птицемлечника, в водном потоке и в «струе» человеческих волос. Любая вещь происходит из любой вещи, и любая вещь становится любой вещью, и любая вещь возвращается в любую вещь, ибо даже простейшие математические идеи превращаются друг в друга: линия образуется движением точки, плоскость образуется поперечным движением линии, тело образуется движением плоскости. Я называю это геометрией, делаемой движением. Или геометрической игрой, в которой я могу лепить в своем воображении любые геометрические формы, словно глиняные скульптуры, и проследить их превращение друг в друга. Природа полна бесчисленных оснований, которые еще никогда не были в опыте, но человеческое воображение способно обнаружить их в себе и дать им жизнь. Ибо все, что существует во вселенной как сущность, как явление, или только как воображение, человек имеет сначала в душе, а затем в руках...

- ... или в ногах! Я вспомнил, как я бежал по улице и кричал «Эврика!», когда в своем воображении я осознал эквивалентность своего тела и правильного геометрического тела в воде. С той самой поры я десятки лет думал о том, как математически описать сложные органические формы в природе. Я применил для этого метод исчерпывания Евдокса Книдского, создавая сложные формы из все более малых правильных форм. Я лепил эти формы из простейших эйдосов Платона, делая их доступными вычислению...

- ... Ты превратил их в доступные для использования механизмы – разве не природную форму водного вихря ты заключил в конструкцию своего винта? Вращательное движение водоворота приводит к движению воды вдоль его оси внутрь него, а в твоём винте вращательное движение винта приводит к продвижению воды вдоль его оси. Я же, следуя твоему примеру, и наблюдая превращения струй и водоворотов в проточной воде, создал механизмы, в которых вращательное движение коленчатого рычага преобразуется в прямое движение вперед и назад, что можно использовать для распилки досок. А твой винт я употребил для создания летающего устройства, ведь воздух это та же вода, только менее густая...

- ... А эфир это еще менее густая среда, но и в ней работает твоя спираль, Архимед! Я заключил вихрь эфира в проволочную спираль и создал при помощи нее такие потоки энергии, которые обнаруживались даже на противоположной стороне Земного шара.

- Эфир? Что это? Ты кто?

- Мое имя Никола, я инженер через четыреста лет после тебя, Леонардо. А эфир – это среда, в которой распространяются волны света, ты ведь знаешь, что свет это волны.

- Да, да, я понял это. Конечно, я должен был догадаться: если звук – это волны воздуха, то свет – это волны эфира.

- И не только свет: молнии – это бурные реки в эфире. Я научился создавать молнии при помощи проволочных спиралей-катушек.

- Молнии... да, да, молния – быстрая как мысль, а может быть это и есть мысль нашей Земли. Я ведь всегда считал ее живым существом: в скалах видел ее кости, в почве – ее

плоть, в реках – ее кровеносные сосуды, в приливах и отливах – биение ее сердца. И вот эфир, быть может он образует душу нашей Земли? А, что ты скажешь, Никколо?

- Во всяком случае эфир заполняет нервы человека, которые ты изобразил в виде полых трубочек.

- Замечательно! Микрокосмос устроен так же как макрокосмос! А что ты на это скажешь, Архимед?

- Я предпочитаю молчать, пока не в состоянии сказать нечто такое, что будет полезнее моего молчания.

- А я не могу молчать! Я поражен, что и через четыреста лет Бог еще допускает существование погрязшего в зверском безумии человечества. Или я не угадал, а Никколо? Конечно угадал – тут не нужно быть пророком. Как сказал умница Макиавелли, чтобы узнать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что люди всегда будут иметь одни и те же страсти и дела их неизбежно будут приводить к одним и тем же результатам. Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость, но это случается редко, потому что они непостоянны, склонны к лицемерию и обману и по жизни их влечет только нажива. Но если Бог еще взирает на красоту своего творения твоими глазами, Никколо, значит он еще верит в предназначенье человека. Хотя бы одного единственного, а Никколо!

- Да, Леонардо, я верю, что дар умственных способностей исходит от Бога. Мой мозг только приемное устройство. В космическом пространстве существует некое ядро, откуда мы черпаем знания, силы, вдохновение. Я не проник в тайны этого ядра, но знаю, что оно существует, потому что позволяет ощущать истину, даже когда она еще недоступна логическим выводам или другим умственным усилиям.

- А я не доверяю своему ощущению. Я сначала делаю некий опыт, и только потом двигаюсь дальше в своих рассуждениях, которые я сопровождаю ясными и точными рисунками или моделями.

- А мне не нужны модели, рисунки, эксперименты. Когда у меня рождаются идеи, я в воображении начинаю строить прибор, меняю конструкцию, совершенствую ее и включаю его. И мне совершенно безразлично, проводятся испытания прибора у меня в мыслях или в мастерской — результаты будут одинаковыми.

- Таким образом ты оказываешься единственным посредником между природой и остальными людьми. Это обрекает тебя на одиночество.

- Секрет изобретательности и состоит в одиночестве. Только в одиночестве рождаются идеи. В непрерывном одиночестве ум становится все острее. Для того, чтобы думать и изобретать не нужна большая лаборатория. Человек может все.

- Он не может только одного – остановить старость и предотвратить свою смерть. Всю жизнь я думал, что учусь жить, а оказалось, что я учусь умирать.

- Как видишь, Леонардо, тайну нашего бытия еще только предстоит разгадать, даже смерть может оказаться не концом, а началом чего-то нового...

- ...или продолжением того же самого!

- Вот и Архимед нашел, чем прервать свое молчание... Только едва ли когда снова родится на свете подобный мне...

... Серый утренний свет проник в окно с толстыми мутными стеклами. В камине тлели последние угли. Свечи давно оплыли и погасли. Туманные дали на заднем плане портрета казались продолжением сумеречного утра. Женщина смотрела спокойно и безразлично на скорченную фигуру в кресле: очки валялись на полу, но левая рука навечно сжала кисть в мертвых пальцах. На лице женщины застыла странная полуулыбка, на которой оборвался их ночной разговор. Быть может он успел сказать ей, что подобно тому как хорошо прожитый день приносит счастливый сон, так и хорошо прожитая жизнь влечет за собой счастливую смерть. Но вот улыбнуться в ответ она не

успела...

Октябрь 2016